

Из-за этого происшествия Янь Мо словно стал другим человеком. Многие знали, что в его баре есть талисман — милый плюшевый мишка, немного поношенный, старой модели, но хозяин Янь очень любил этот талисман и держал его на самом видном месте.

Однако большинство не знало, что это была не просто маскот бара, а заноза в сердце Янь Мо.

Гу Сэнье сказал:

— Позже Янь-гэ, когда видел людей, нуждающихся в помощи, независимо от того, было ли это вмешательством в чужие дела или его могли назвать святошей, он всё равно помогал. Именно поэтому, когда он увидел меня, бродягу без дома, он взял меня к себе.

Янь Мо сидел на диване, поглаживая мишку с оторванной головой, и его улыбка была усталой:

— Тот ребёнок смотрел на меня своими глазами, точно так же, как и ты только что, полными безразличной холодности. Ты не первый, кто оторвал голову этому мишке. Первым был именно тот ребёнок...

Ребёнок закричал:

— Я ненавижу тебя!

Ш-ш-ш — с яростью оторвал голову плюшевого мишки и швырнул её на пол.

Звук разрыва мишки, хлопья ваты, вырывающиеся наружу, и крик медицинских приборов слились воедино, создавая своеобразный... звук человеческой природы.

Янь Мо с горькой усмешкой произнёс:

— Потом я начал думать, что он не имеет права ненавидеть меня. Ведь это не я заставил его потеряться. Какая у меня была обязанность помогать ему? В тот момент любой бы подумал, что это просто капризный ребёнок, ссорящийся с родителями... Я пытался убедить себя в этом, и в какой-то момент мне стало немного легче. Но каждый раз, когда наступала глубокая ночь, я вспоминал тот безразличный взгляд ребёнка. Я не мог обмануть себя — моя совесть всё равно мучила меня. Это не вопрос закона или обязанностей. Если бы тогда... тогда я вмешался, спросил лишний раз, ведь это была жизнь ребёнка. Ну и что, если бы меня назвали святошей или сказали, что я лезу не в своё дело? От этого бы я не потерял ни куска плоти...

Юноша так и не взглянул на Янь Мо, словно всё, о чём тот говорил, его совершенно не интересовало.

Янь Мо тоже не придавал этому значения, положил мишку с оторванной головой в сторону и сказал:

— Можешь спокойно остаться здесь. Если захочешь жить — можешь остаться навсегда. У меня действительно есть цель, и моя цель... просто обрести хотя бы один день покоя.

Сказав это, Янь Мо встал, вышел из комнаты и тихо произнёс:

— Спокойной ночи, ребёнок.

Щёлк — медленно закрыл дверь...

Когда все вернулись домой, было уже поздно. Ян Гуан искупал малыша, уложил его в кровать и

накрыл одеялом. Ян Цзянь тут же закатился в объятия Ян Гуана, привычно забравшись под одеяло папы, обнял его маленькой ручкой, прижавшись к его плечу, и сказал детским голоском:

— Папа, тот старший брат очень несчастный.

Ян Гуан ответил:

— Спи, уже поздно.

Малыш поднял своё личико, моргнул большими глазами и сказал:

— Старший брат получил много ран, как... как и я.

Дыхание Ян Гуана на мгновение прервалось. Оказывается, сына беспокоило именно это.

На теле юноши было множество шрамов, а также следы переломов, которые, вероятно, были результатом жестокого обращения. Хотя неизвестно, кто именно его мучил.

Ян Цзянь почувствовал себя на его месте, увидев в юноше словно другого себя.

Ян Гуан погладил малыша по голове и сказал:

— Спи, закрой глазки.

— Угу... — Ян Цзянь послушно закрыл глаза, действительно устав, и вскоре крепко уснул, бормоча во сне:

— Папа... папа, не уходи, ладно?

Ян Гуан мягко поглаживал сына и сказал:

— Папа здесь.

Шусюэ всё ещё искал актёра на замену Чжэн Хайяну. Дело Чжэн Хайяна наделало много шума, поэтому желающих занять его место было немало. Каждый день приходили новые люди на пробы, но требования Шусюэ были высокими, и подходящего кандидата пока не находилось.

Ян Гуан закончил съёмки, и в этот момент зазвонил его мобильный телефон. На экране высветилось — второй брат Ян Чжэн.

Ян Гуан ответил на звонок, и голос Ян Чжэна звучал взволнованно:

— Старший брат, ты слышал? Чжэн Хайян нашёл адвоката и хочет добиться смягчения приговора.

Ян Гуан прищурился. Этот Чжэн Хайян действительно не успокаивается — уже сидит в тюрьме, но всё ещё строит планы.

Ян Чжэн продолжил:

— Чжэн Хайян нашёл адвоката, говорят, это крупная шишка в своей сфере, заплатил ему хорошие деньги, чтобы тот помог ему добиться смягчения приговора. Сейчас этот адвокат ищет по всему миру тех, кто давал показания против Чжэн Хайяна, чтобы получить от них

письма о прощении.

Ян Гуан с холодной усмешкой произнёс:

— Прощение?

Ян Чжэн добавил тише:

— Третий брат, узнав об этом, очень разозлился и собирается пойти к Чжэн Хайяну. Старший брат, ты же знаешь, из нас троих третий брат самый вспыльчивый. Я боюсь, что он...

Действительно, хотя в прошлой жизни Ян Цзань не был братом Ян Гуана, а скорее его дядей, Ян Гуан всё же немного его знал. Внешне он выглядел мягким и сдержанным, даже высокомерным, но на самом деле был очень импульсивным человеком, легко поддающимся эмоциям.

Ян Чжэн сказал:

— Я боюсь, что он наделает глупостей и сам окажется в неприятной ситуации из-за Чжэн Хайяна.

Ян Гуан ответил:

— Я сам займусь этим делом. Ты задержи третьего брата, не дай ему натворить дел.

— Хорошо, я понял, старший брат.

Ян Чжэн согласился, как вдруг услышал звук открывающейся двери. Он быстро повесил трубку и выглянул — это Ян Цзань собирался выйти.

Ян Цзань был одет в строгий костюм, выглядел очень представительно. Его внешность была элегантной и мягкой, он всегда уделял внимание своему образу, но сегодня это было особенно заметно. Такой наряд явно был не для свидания, а для того, чтобы выглядеть «властным».

Ян Чжэн спросил:

— Третий брат, куда ты?

Ян Цзань холодно ответил:

— Пойду повидаюсь с Чжэн Хайяном.

Ян Чжэн вспомнил слова старшего брата и сказал:

— Третий брат, это...

Ян Цзань не дал ему закончить:

— Я тороплюсь, у меня важная встреча. Второй брат, ты оставайся дома, отдыхай, я пошёл.

— Подожди! — Ян Чжэн шагнул вперёд и встал у входа.

Он был высоким, а прихожая была узкой, так что он буквально стал «стражем у ворот».

— Что случилось? — Ян Цзань нахмурился, взглянул на часы:

— Водитель уже ждёт, второй брат, если что-то важное, поговорим, когда я вернусь.

Ян Чжэн, действуя по ситуации, схватился за грудь и воскликнул:

— Ой-ой! Мне... мне больно, да, рана очень... болит...

Ян Цзань с удивлением спросил:

— Что случилось? Почему рана снова болит?

Ян Чжэн выписался из больницы уже несколько дней назад, но ещё не вернулся на работу. Старик настоял на том, чтобы он отдохнул ещё несколько дней и полностью выздоровел. Но по словам Ян Чжэна, он чувствовал себя здоровым, как бык, так почему же рана вдруг разболелась?

Ян Чжэн сказал:

— Я... я не знаю, может, она разошлась?

Ян Цзань тут же поддержал его:

— Второй брат, второй брат, как ты? Я сейчас вызову врача!

— А? — Ян Чжэн почесал затылок:

— Врача... врача не надо!

— Как это не надо! — Ян Цзань строго сказал:

— Рана болит, а ты не вызываешь врача, совсем не заботишься о своём здоровье. Я отведу тебя отдыхать.

Ян Чжэн сказал:

— Третий брат, у тебя же есть дела? Может... ты сначала займёшься ими, а я побуду здесь, ничего страшного.

Этот приём сработал отлично. Ян Цзань тут же сказал:

— Какие дела могут быть важнее второго брата? Ложись, не болтай глупостей, врач скоро придёт.

Ян Чжэн позволил ему уложить себя, чувствуя некоторую гордость. Третий брат был гордым и сложным человеком, и если бы он не волновался, никогда бы не сказал таких слов, таких сентиментальных слов. Но, как второй брат, он был рад этому.

Ян Чжэн лёг на кровать, но его радость длилась недолго. Врач семьи Ян срочно приехал, и даже старик вернулся домой.

— Второй сын! Второй сын, что с тобой? Рана снова болит?!

— Быстрее, осмотрите второго сына, что случилось!

— Разве рана не зажила?

Ян Чжэн оказался в неловком положении. Он не был мастером лжи, и если бы не беспокойство семьи, его бы сразу разоблачили.

Ян Чжэн почесал затылок и сказал:

— Мне... мне... мне больно.

<http://bllate.org/book/16206/1455499>